

ОТЗЫВ

Лоры Емиловой Тасевой,
доктора, профессора Института балканистики с Центром по фракологии
Болгарской академии наук
на диссертацию Мони Камуля Рибаров

*Лексиката в ръкопис № 3/14 от Библиотеката на Рилския манастир като
източник за историята на текста на повестта „Варлаам и Йоасаф“*

Представленная диссертация внушает уважение своим объемом – исследование (293 с.) и 11 приложений (272 с.). Не только объект исследования – конкретная рукопись из Рыльского монастыря, но и болгарская разновидность произведения до сих пор не были изучены с лексической и словообразовательной точек зрения, что является серьезной предпосылкой для создания полезного научного продукта. Работа Мони Камуля Рибаров основана на методологии, традиционной для болгарской исторической лексикологии и, в частности, словообразования, но это не умаляет значимости полученных результатов.

Макроструктура работы отвечает требованиям, предъявляемым к монографическому изложению: введение, три главы, заключение и приложения. Во вводной части автор демонстрирует очень хорошую научную осведомленность, помещая объект исследования в контекст сложной многоязычной истории текста повести «Варлаам и Йоасаф». Цели, задачи и методы исследования четко сформулированы. Здесь, однако, я бы рекомендовала добавить еще один акцент к сформулированной на с. 14 основной цели – «представить целостную картину словообразовательных закономерностей в существительных через классификацию материала по суффиксам».

Дело в том, что в теме/названии диссертации присутствует фраза *като източник за историята на текста на повестта* («как источник истории текста повести»), а это подразумевает, что заявленную тематику так или иначе надо

отразить в основной цели. Кроме того, к конкретным задачам следует добавить и одну в этом смысле. Сразу оговорюсь, что многое из рекомендованных акцентов присутствует в тексте диссертации (например, обобщения о присутствии повышенного количества сложных слов, характерных для языка XIV в.; объяснение употребления протоболгаризмов как влияние более древнего источника; наблюдения о преемственности древнеболгарской традиции или о продуктивности определенных суффиксов по категориям). Еще более отчетливо это выяснено в автореферате, где текстуальная значимость проведенного исследования четко обозначена.

Изложение четко структурировано – основным классификатором являются рассматриваемые суффиксы. Сделана попытка сгруппировать их в семантические классы с учетом преобладающего значения – Глава 1: *Съществителни имена за лица и други названия* («Существительные, обозначающие лица и другие названия»); Глава 2: *Съществителни имена с конкретно и абстрактно значение* («Существительные с конкретным и абстрактным значением»). Лично у меня возникают некоторые несогласия с объединением в Главе 1 категории имен лиц с категорией других имен, в которую, естественно, входят имена предметов, а они (как подразумевается) относятся к категории существительных с конкретным значением, рассматриваемых в Главе 2. С моей точки зрения, попытка семантического разделения суффиксов для выделения разных глав не очень уместна с учетом материала, но, в конце концов, это личное мнение автора, тем более что материал хорошо систематизирован и удобен для использования и в таком виде.

Важно то, что в этих двух главах скрупулезно рассматриваются все случаи употребления соответствующих суффиксов, часто на фоне богатого сравнительного материала из древнеболгарских лексикографических справочников, что позволяет увидеть их развитие в диахронии. Продуктивность отдельных суффиксов очень хорошо раскрыта, контексты употребления прослеживаются, и текущие выводы полностью обоснованы. Однако я бы рекомендовала внести технические изменения в таблицу для существительных с суффиксом -ьникъ. В нынешнем ее виде лексемы, зарегистрированные в КСП, представлены параллельно с незарегистрированными и с одинаковой нумерацией, что вводит в заблуждение. Создается впечатление, что между

словами, расположенными на одной строке под одним и тем же номером – одно из списка зарегистрированных в CSP, другое из списка незарегистрированных (например, 2. грѣшньнкъ и 2. въсадньнкъ; 3. дльжьньнкъ и 3. дружьбньнкъ) – есть какое-то соответствие или корреляция, в то время как на самом деле между ними нет никакой связи. Я рекомендую, если работа будет напечатана, составить два отдельных списка для зарегистрированных и незарегистрированных лексем в КСП.

Особое внимание хотелось бы уделить Главе 3: *Конкуренция на суффиксите при словообразовательните синонимы* («*Конкуренция суффиксов в словообразовательных синонимах*»). Несмотря на небольшой объем, она особенно ценна и полезна тем, что показывает, как живут в тексте и конкурируют рассматриваемые словообразовательные модели, какие заметны тенденции предпочтения того или иного суффикса. Эти сведения, почерпнутые из обширного материала, полезны как для характеристики языка конкретного текста, так и для дальнейших сравнительных исследований языка средневековых переводных и оригинальных памятников.

Заключение основано на анализе обширного лексического материала, а выводы хорошо аргументированы. С одной стороны, обобщаются основные результаты по словообразовательным категориям и формантам, с другой – делаются значимые обобщения о конкуренции синонимичных суффиксов с явной тенденцией к доминированию книжных формантов. Параграф о значении исследования для прояснения истории текста был бы не только полезным заключением работы, но и ожидаемым, учитывая ее название.

Приложения к диссертации заслуживают высокой оценки – все они полезны и удобны для использования. Но среди них я бы выделила несколько: наборное издание текста повести (№ 2), тщательно составленный словарь существительных с данными о том, в каких памятниках КСП они зарегистрированы (№ 3), обратный словарь (№ 4), алфавитные списки словообразовательных синонимов (№ 5) и антропонимов, этнонимов и топонимов (№ 11). Все это дает ученой гильдии удобный текст или прекрасно систематизированные исходные данные, которые могут быть использованы для различных сопоставительных исследований. Однако принцип построения Приложения № 6: *Таблица на изследваните словообразователни единици по*

наставки («Таблица словообразовательных единиц, изучаемых по суффиксам») мне остается неясным. Пояснительный текст к ней был бы полезен для читателя.

Все первичные источники и вторичная литература правильно процитированы. Представленный текст не содержит недопустимых заимствований у других авторов.

Автореферат к диссертации полностью соответствует ее содержанию. В нем точно представлены цели, задачи, методология и основные положения проведенного анализа. Основные выводы исследования хорошо систематизированы, а сформулированные научные результаты объективно отражают вклад Мони Камуля Рибаров.

В заключение могу резюмировать, что перед нами профессионально выполненная работа, обогащающая современные знания о языке важного средневекового текста. Точный анализ обширного материала и аргументированные выводы дополняют картину словообразовательных тенденций у существительных среднеболгарского периода, а добавленные к работе наборный текст, указатель слов и различные другие указатели вооружают исследователей полезным инструментарием для будущих разысканий. Все это дает мне, как члену научного жюри, основание уверенно голосовать за присуждение Мони Камуля Рибаров образовательной и научной степени „доктора“ в профессиональной области 2.1. Филология.

София, 27-ого августа 2024 г.